УДК 93/94(47+57):261.7

Иерей Антоний Дьяконов

Историография экклезиологических воззрений Иоанна IV Грозного

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия Церкви и государства в период правления Иоанна IV Грозного, а также взгляды царя на реализацию идеалов русского самодержавия в отечественной историографии.

Ключевые слова: *Иоанн IV Грозный, самодержавие, экклезиология, историография*

Специальных трудов, посвященных развитию и становлению имперских взглядов Иоанна Грозного, как будто бы нет. Но есть работы, разбирающие интересующие нас аспекты данной темы, они рассказывают о факторах, повлиявших на взгляды царя, как внешнеполитических, так и внутренних. В том числе о влиянии приближенных, таких как митрополит Макарий, священник Сильвестр, Иван Пересветов и др. Одной из важных проблем исследования данной тематики является пребывание на Московской кафедре святителя Филиппа (Колычева) и его реакция на внутреннюю политику царя, а также реакция царя на реакцию св. Филиппа.

Митрополит Макарий (Булгаков) отмечает значительное влияние фактов принятия Византией Флорентийской унии и падения Константинополя на обретение независимости русской Церкви от Царьграда. Это должно было бы привести церковь к утверждению своих позиций. Тем не менее ожидаемого эффекта не получилось. Московский митрополит попадает под власть великого князя. Князь становится вершителем судеб не только своих подданных, но и духовенства, как отдельного сословия, однако входящего в число подданных. Вместе с этим попадает под власть великого князя и вся церковная структура вместе с соборами, которые иногда принимали решения в угоду гражданской власти [1].

Н. Ф. Каптерев также рассказывает о произволе царской власти, когда князь отстраняет от дел непонравившегося ему святителя, посредством даже собора. Именно это произошло с митрополитом Валаамом еще до Ивана Грозного. Причем такой порядок вещей представлялся вполне приемлемым [2, с. 53-55].

Труды В. И. Саввы рассказывают о византийском императорском церемониале за богослужением, а также дают оценку роли Софьи Палеолог в становлении русского самодержавия. Кроме того, труды В. И. Саввы рассказывают о проблематике внешнеполитических событий в период становления царской власти [3].

Такого же мнения придерживается и еще один крупный исследователь истории церкви А. И. Карташев. При первом русском царе церковная власть была низведена до самого низкого уровня и служила опорой самодержавию. Церковь стала зависимой от государства. Однако ранее сами иерархи церкви воспитали Ивана Грозного как хранителя мирового православия, наделенного к тому же и «пастырскими правами в делах Церкви...» [4, с. 449-450].

Г. П. Федотов говорит, что при Иване Грозном уже давно назревавший конфликт получил свою остроту. При помощи церкви великие князья укрепляли

власть и авторитет в глазах народа. Но, укрепив её прилично, стали тяготиться церковной опекой и постарались поскорее сбросить с себя ненавистное нравственное ярмо. В связи с этим был устроен спектакль с уходом в Александровскую слободу и отречением от царства [5, с. 17-18].

А. А. Зимин рассматривает вопрос о противостоянии духовенства и царской власти на примере периода правления Ивана Грозного [6, с. 212 – 214, 248, 257 – 259, 479]. Он говорит, что в годы деятельности «Избранной рады» позиции Церкви были существенно подорваны. Это было связано с тем, что церковь была в те годы крупным собственником, что было крайне невыгодно для развивавшегося русского самодержавия. Такое положение дел было выгодно лишь в годы становления, поскольку авторитет Церкви был решающим фактором в то время. Теперь же при Иване Грозном вопрос включения церкви в состав государственного аппарата был вопросом времени.

Несколько иной позиции придерживается М. С. Каштанов. Он считает, что главной целью царя и избранной рады не являлась борьба с высшим духовенством. Иван Грозный, проводя внутреннюю политику, старался покончить с практикой удельного княжения. И главным его оппонентом в этом направлении был князь Владимир со своим уделом – Старицей. Дело в том, что для устранения князя с политической арены царю необходим был опять же авторитет церкви, но неожиданно для Ивана Грозного церковь занимает противоположную позицию. Покровительство же монастырям в годы опричнины, с одной стороны, было обусловлено конфликтом с высшим духовенством, а с другой – нарастающим кризисом, причиной которого Иван Грозный считал монастыри с их крепким хозяйством [7, с. 136, 166, 171, 230].

По мнению Р. Г. Скрынникова, власть вряд ли могла быть заинтересована в борьбе с духовенством, поскольку и в прошлые годы именно авторитет церкви являлся гарантом укрепления монархии. И ведь именно церковные писатели обосновали божественное происхождение царской власти. И теперь Иван Грозный нуждался в утверждении этой идеологиикак никогда. Влияние церкви было обусловлено большим правом церкви на землевладение, а в годы опричнины на это право никто не посягал [8, с. 235-236].

Б. Н. Флоря категорически несогласен с тем, что борьба государства с духовенством имела целью подчинение церковных властей государственной иерархии. Тем не менее с 60-х годов постепенно прослеживается снятие с кафедр архиереев и вершится суд над высшим и низшим духовенством по произволу Ивана Грозного [9, с. 231-233].

Очень важным является процесс сакрализации царской власти. Этот вопрос важен, поскольку таких тенденций не наблюдалось в Византии, в том отношении, что не было таких документов, которые бы регламентировали деятельность царя в сакраментальной сфере. Стремительное развитие эта тенденция получила во времена обретения самостоятельности московского княжества. Это проявилось в трудах московских книжников, разработавших выдвинутую старцем Филофеем теорию «Москва-третий Рим». Эта эсхатологическая догадка, ставшая государственной доктриной, идеально легла на почву чувства богоизбранности русского народа и государства, как государства последних дней перед Вторым Пришествием. Это было, в частности, связано с вступлением Константинополя в унию с римо-католической церковью, а потом и в связи со взятием Константино-

поля турками. Во времена же Иоанна Грозного эта доктрина была закреплена на официальном уровне. И царская природа стала носить неземной характер. Царь теперь определял поставление на кафедру и снятие с неё архиереев, состав и проведение церковных соборов.

Таким образом, можно сказать, что дореволюционная историография придерживалась следующей доктрины: молодое московское государство, получив полную политическую независимость при поддержке Церкви, стала эту Церковь потихоньку прибирать к рукам. Постепенно государство встраивает Церковь в свой аппарат и полностью лишает её свободы действий.

Советская же историография, прежде всего в лице А. А. Зимина, видит в Церкви пережиток феодального прошлого. А выступление государства против неё – как борьбу с «воинствующими церковниками», мешающими централизации государства.

Решительно не соглашается с этим Р. Г. Скрынников, который считает, что Церковь на всех этапах развития русской монархии являлась верным её союзником, зачастую и поневоле. Ведь даже её виднейшими представителями разрабатывалась модель царства на Московской Руси.

Современные ученые А. Л. Дворкин, протоиерей Владислав Цыпин и др., ведущие «официальную линию» церковно-государственной истории, считают, что модель правления и взаимоотношения с Церковью складывалась под давлением государства (царя). Представители «неофициальной» линии церковно-государственной историографии (митрополит Иоанн (Снычев), И. Я. Фроянов) полагали, что развитие монархии в Московской Руси проходило органично, безо всяких сопротивлений и даже при полной поддержке Церкви. И действия царя по централизации власти в государстве являются наиболее адекватными и правомерными.

С принятием христианства на Руси вместе с церковью приходит модель и идея государственности. Молодая русская церковь включается в состав Вселенского патриархата и в орбиту византийской культуры. Это и помогло сохранить единство русского народа во времена татаро-монгольского ига.

Изменения начинаются тогда, когда несколько обстоятельств сходятся в одной точке. Это принятие унии и падение Константинополя, стояние на реке Угре и падение ига, как следствие получение самостоятельности. И здесь уже молодое московское княжество должно было себя осознать в семье мировых держав. Главной задачей было выйти на один уровень с просвещенными державами, и русские государи не могли довольствоваться положением первых среди равных удельных князей, их подданных. Возникает потребность в централизации государства.

Для этой задачи нужна идеология, которая начинает возникать с помощью московских книжников на основе доктрины «Москва-третий Рим», где государь является хранителем и защитником мирового православия, а государство в целом – его оплотом среди засилия еретических держав. Это было связано с большой ответственностью, возложенной на государя.

Иоанн Грозный, обладая незаурядными способностями и будучи образованнейшим человеком своего времени, смог убедить своих подданных не просто в том, что он является хранителем и защитником истинной веры, но и в том, что он наместник Бога на земле. Это обстоятельство заставило Церковь подчиняться

воле государя. Несогласных же ждала немилость царя. В результате Церковь окончательно становится частью государственного аппарата, что законодательно будет закреплено уже во времена Петра Великого в «Духовном регламенте».

Таким образом, царь сосредоточивает в своих руках духовную и государственную власть, что лишает Церковь всякой самостоятельности. Происходит подчинение её деятельности государственным нуждам, она приобретает статус государственной идеологии. А государство, как правило, исходит из соображений прагматичности. По мнению некоторых исследователей, это и скомпрометировало Церковь и даже по сей день выставляет её как гарант холопского крепостного права и царского произвола, как виновницу казней еретиков и отсталости от европейских держав.

Тем не менее Церковь и государство имеют совершенно различную природу. Миф о том, что священство и царство имеют один источник, не выдерживает библейской критики. Их взаимосвязь возможна при духовном и нравственном подчинении государства Церкви, а в сфере законодательной христиане призваны Церковью подчиняться государственной власти. При нарушении первого условия Церковь рискует потерять свою самостоятельность.

Литература

1. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240-1589). Кн. 4, ч. 1. – М. : Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996.

2. Каптерев, Н. Ф. Царь и церковные Московские соборы XVI и XVII столетий. – М.: URSS, 2015.

3. Савва, В. И. Московские цари и Византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей / В. Савва. – Харьков: Тип. и литогр. М. Зильберберга и С-вья, 1901.

4. Карташев, А. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. / А. В. Карташев. Т. 1. – М. : Издат. центр «Терра», 1992.

5. Федотов, Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. Приложение: житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея России // Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 томах / Г. П. Федотов; сост., примеч., вступ. ст. С. С. Бычков. – Т. 3. – М.: Мартис; SAM & SAM, 2000.

6. Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного. – М.: Наука, 1964.

7. Каштанов, С. М. Финансы средневековой Руси / С. М. Каштанов; отв. ред. А. А. Зимин, В. Л. Янин; АН СССР. – М.: Наука, 1988.

8. Скрынников, Р. Г. Опричный террор. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.

9. Флоря, Б. Н. Иван Грозный. – М.: Молодая гвардия, 2009.

Priest Antony D'yakonov

Historiography of the ecclesiological views of Ivan IV the Terrible

The article deals with the interaction of the Church and the state during the reign of Ivan IV the Terrible, as well as the views of the tzar on the realization of the ideals of the Russian autocracy in Russian historiography.

Keyword: *Ivan IV the Terrible, autocracy, ecclesiology, historiography.*

References

1. Makary (Bulgakov), metropolitan. Istoriya Russkoj Cerkvi v period postepennogo perekhoda ee k samostoyatel'nosti (1240-1589) [History of the Russian Church in the period of its gradual transition to independence (1240-1589)]. Book 4, part 1. Moscow, 1996.

2. Kapterev N. F. Car' i cerkovnye Moskovskie sobory XVI i XVII stoletij [The Tsar and Church of the Moscow cathedrals of the XVI and XVII centuries]. Moscow, 2015.

3. Savva V. I. Moskovskie cari i Vizantijskie vasilevsy: k voprosu o vliyanii Vizantii na obrazovanie idei carskoj vlasti moskovskih gosudarej [Moscow tsars and Byzantine Vasilevsky: the question of the influence of Byzantium on the formation of the idea of the Imperial power of Moscow princes]. Kharkiv, 1901.

4. Kartashev A. Ocherki po istorii russkoj cerkvi [The essays on the history of the Russian Church]. In 2 vol. Vol.1. Moscow, 1992.

5. Fedotov G. P. Svyatoj Filipp, mitropolit Moskovskij. Prilozhenie: zhitie i podvigi Filippa, mitropolita Moskovskogo i vseya Rossii [St. Philip, Metropolitan of Moscow; Appendix: the Life and exploits of Philip, Metropolitan of Moscow and all Russia]. Collected works in 12 volumes. Vol.3. Moscow, 2000.

6. Zimin A. A. Oprichnina Ivana Groznogo [Oprichnina of Ivan the Terrible]. Moscow, 1964.

7. Kashtanov S. M. Finansy srednevekovoj Rusi [The Finance of medieval Russia]. Moscow, 1988.

8. Skrynnikov RG. Oprichnyj terror [Oprichnina terror]. Leningrad, 1969.

9. Florya B. N. Ivan Groznyj [Ivan theTerrible]. Moscow, 2009.